

Кирилл Тер, Дмитрий Шагин и Алексей Хвостенко.
Клуб «Симпозион». Париж.

— В 1983 году ТЭИИ (Товарищество экспериментального изобразительного искусства) устраивало выставку в ДК им. Кирова. Это уже была третья выставка неофициальных художни-

Так сложилось исторически, что митьки дружны с музыкантами. Например, вначале вместе с митьками выставлялся Борис Гребенщиков (он рисовал картины), а на открытии и на закрытии пел. А также Витя Цой. Даже была запись Цоя у митьков — году в 85-м.

МИТЬКИ никого не хотят победить

Рассказывает Дмитрий Шагин

Про то, что есть на Руси такие митьки, знает, считай, вся российская интеллигенция.

Митьки давно вошли в российский культурный пейзаж и так в нем прижились — как будто всегда там были.

Митьки — мастера на все руки: они и поют, и играют, и рисуют, и пишут картины, и сочиняют стихи и прозу. Словом, являются тем самым гармоничным человеком, о котором мечтали социалисты-утописты. Только звериной серьезности и сверхценных идей у них нет.

Вопрос вовсе не в том, пародируют ли они в своем творчестве неумех или таковыми являются. Достаточно их послушать или на них посмотреть, как тотчас подпадаешь под их обаяние, и пресловутый вопрос о «мастерстве» просто не приходит в голову.

Группа митьков — это активная группа. Они участвуют во многих культурных проектах, выпускают аудио- и видеокассеты, снимаются в фильмах, выставляются в качестве деятелей изобразительного искусства — словом, не пропадают. Привлекают для участия в своих мероприятиях других деятелей культуры — например, Бориса Гребенщикова, Алексея Хвостенко.

Группа митьков начала складываться еще в конце 70-х годов в Ленинграде. В 1984 г. в самиздате распространялся текст о митьках, написанный Владимиром Шинкаревым. В нем объяснялось слово «митьки»: Дмитрий Шагин — это Митя, митек, а друзья его — митьки.

Первая публикация этого текста состоялась в «Русской мысли» в 1987 году. Потом текст был напечатан в «Юности», издававшейся почти миллионным тиражом, и митьки, можно сказать, прославились. В «РМ» с тех пор специальных обширных материалов о митьках не появлялось. Поэтому мы воспользовались приездом Дмитрия Шагина в Париж в связи с «семейной» выставкой в клубе «Симпозион» у Алексея Хвостенко и рядом друзей дел (о чем ниже) и поговорили. Как сказал Шагин, сделали интервьюшечку.

— Как можно датировать начало митьковского движения? Когда они себя осознали как группу, отличающуюся от других?

— Митьки обязаны своим прославлением печатному слову. Даже не совсем печатному — а машинописному слову, когда Владимир Шинкарев в 1984 году написал книжку «Митьки». Автор писал: я предлагаю организовать массовое молодежное движение наподобие хиппи или панков, называть его «митьки» в честь Дмитрия Шагина, основателя и классического образца. Шинкарев распечатал на машинке четыре копии, друзья — еще по четыре, и так это слово пошло в массы, и через недолгое время оно уже дошло до Парижа. «Русская мысль» — это, можно сказать, первопечатник о митьках.

Предистория? В 1978 году была первая выставка, на которой мы встретились — я и Шинкарев. Это была выставка в ДК имени Калинина, где участвовали художники «газо-невщины» (т.е. у которых были выставки в ДК им. Газа и ДК «Невский») плюс более молодое поколение. Там впервые выставились на широкую публику и я, и Шинкарев. Выставка продолжалась всего один день — ее разогнали гебешники.

А чуть раньше я встретился еще и с Сашей Флоренским.

Дело было так. У художника Миши Иванова на улице Правды была квартира, и он делал квартирные выставки. Однажды он мне говорит: «Знаешь, этажом ниже меня живет внучатый племянник философа, священника Павла Флоренского. Давай я тебя познакомлю». Так мы с ним встретились.

Спустя почти 20 лет в соседнем доме на той же улице А.Собчак дал нам митьковскую «ставку» в мансарде, на 5-м этаже. В этой нашей ставке есть выставочный зал, где проходят выставки, концерты, чтения стихов, представления книг. Из Москвы к нам приезжали, например, Пригов, Кибиров.

— Но что было после первой выставки?

На ней выставлялись те, кто не выставлялся на предыдущих, то есть новые силы. Я был одним из организаторов. Вспомнив о Шинкареве, я его нашел, мы с ним выпили портвейна, я выбрал его работы. Так состоялось наше братание.

На этой выставке, кстати, появились «сестренки», выражение «дык», «ёлы-палы», «братки». Тогда же Шинкарев сказал: я хочу записать все твои словечки и выражения (вроде «оттянуть в полный рост», «фитилек-то притуши, коптит»). После этого у нас была совместная с Шинкаревым выставка в БАНе (Библиотека АН) — полузакрытая, для работников Академии.

А в следующем году состоялась выставка в Усть-Нарве, в Эстонии, — участвовали я, Шинкарев, Флоренский, его жена Оля плюс старшее поколение. На первом месте по алфавиту — Александр Арефьев. Это мой учитель, друг моего отца, он в конце 50-х — начале 60-х воз-

О популярности «Митьков» свидетельствует и эта обертка для глазированных сырков.

главлял группу ОНЖ (орден нищенствующих живописцев), вариант — «непродающихся живописцев»), который трагически умер в Париже в 1978 году. Там еще участвовали моя мать Наталья Жилина и мой отец Владимир Шагин. В те времена в Эстонии можно было выставляться даже неофициальным художникам. Нам даже разрешили издать небольшой буклетик.

— А когда ты впервые встретился с Хвостенко?

— В моем детстве он приходил к нам домой. Потом с Хвостом мы встретились уже летом 1989 года в Париже, когда нас впервые выпустили за границу. Снимался советско-бельгийский фильм «Митьки в Европе» — режиссер Алексей Учитель (Ленинградская студия документальных фильмов) и фламандский режиссер из Антверпена Ян Хинтенс. Причем Леша снял заграничную часть, а Ян, наоборот, снял котельную (в те времена и я, и Шинкарев работали в котельных).

Нам дали автобус — «Икарус». И мы этот автобус разрисовывали.

Хотя нет, тот автобус назывался «Мерседес», а «Икарус» №22 («Икарушка» — было любовное название) мы разрисовывали в Питере, и он несколько лет ходил по Невскому на радость людям.

Было также три выставки. Первая — в Антверпене. Оттуда мы поехали в Амстердам, рисовали то, что видели. Потом в Кельн, где открылась вторая выставка. Оттуда — в Мюнхен, там продолжались съемки и роспись автобуса. А потом — Париж. Роспись автобуса заканчивалась прямо перед Бобуром, под покровительством его директора. Клоуны, которые выступали перед Центром Помпиду, решили, что мы им конкуренцию составляем, отбираем зрителей и деньги. Тогда толпа собралась!

Все это было снято, получился симпатичный фильм, в нем есть и Леша Хвостенко, который выступал на выставке в Париже в клубе «Кон-флюанс».

А что касалось музыкантов...

И Александр Башлачев выступал у нас — на одном фестивале митьковской культуры в клубе какого-то сталепрокатного завода. Это был замечательный концерт — Гребенщиков с Башлачевым вдвоем. Пел Гребенщиков «Лимитчик» (в котельной давали общежитие и прописку). Его приводят в мастерскую к митькам, там застолье, весь стол уставлен разными бутылками. Тут приходит Башлачев, начинает петь. Мы начали снимать, но Башлачев трагически погиб. В конце концов в фильме в роли певца снялся Шевчук.

На эту тему был снят фильм «Город» (1989) по сценарию Шинкарева и Тихомирова, где в одной из главных ролей снялся я. Фильм о том, как приезжает в Питер молодой человек из провинциального городка. Попадает работать в котельную, естественно, поскольку «лимитчик» (в котельной давали общежитие и прописку). Его приводят в мастерскую к митькам, там застолье, весь стол уставлен разными бутылками. Тут приходит Башлачев, начинает петь. Мы начали снимать, но Башлачев трагически погиб. В конце концов в фильме в роли певца снялся Шевчук.

Д.Шагин. «Митек». Холст, масло.

Да, стол был заставлен бутылками. Кто читал книжку Шинкарева «Митьки», помнит, что книжка — не о том, как митьки рисуют, сочиняют стихи, а о том, как они пьют. Шинкарев, помоему, предвосхитил горбачевский антиалкогольный террор, который начался в 1985 году. Его книжка вышла незадолго до этого указа.

В те времена доставание алкоголя было особым романтизмом, поскольку достать его было практически невозможно: выдавали один талон в месяц на человека на бутылку водки, кажется. Пьянство стало вдобавок еще определенным героическим подвигом.

— Как в Америке 30-х годов во время «сухого закона».

— Буквально. И это продолжалось достаточно долго, пока митьки не поняли, что надо выбирать: либо жить — либо пить. Потому что пьянство стало уже мешать. К тому времени алкоголь опять разрешили. Тем, что мы не сдались, мы как бы убедили.

И большинство в моем окружении просто-напросто прекратило пить.

— По медицинским соображениям?

— По разным. По идеологическим. По медицинским. Я понял, что мне это уже мешает. Мне, Шинкареву, Флоренскому.

— А что вам мешало пить, например, по стаканчику в день?

— По стаканчику, во-первых, неинтересно. Потому что, как здесь, во Франции, такого вина замечательного там не продавали. Водка — это жуткий напиток. Портвейн — вообще завал. Сухач, который у нас продавали, тоже был довольно гнусный.

Времена отошли. Началась новая эпоха — митьков-трезвенников. Старая эпоха кончилась в 1993 году.

— Не перестали ли митьки после этого быть митьками?

— Вопрос хороший. Часто говорят: как же так, вы теперь не пьете, вы предали движение митьков, поскольку митьки — это пить до победного конца и так далее.

Действительно, в каком-то смысле это можно назвать предательством, но я уже сказал, что митьки свою задачу выполнили: отстояли право русского народа выпивать и закусывать — и ушли в тень.

Но ведь есть и положительное в этом. На нас ведь люди смотрят, думают: митьки теперь не пьют — так, может, и нам задуматься? И некоторые стали воздерживаться.

То, что митьки стали трезвенниками, это соответствовало смене эпохи. Началась другая эпоха. Надо было или входить в нее, или оставаться в той, не попадая в 90-е годы.

Что дала положительного трезвость митьков? Оказалось, что есть свободное время, и довольно много. Не говоря о том, что можно больше рисовать картин. Надо сказать, что никто из нас картин пьяными не рисовал. Выпивали, когда отдыхали (это называлось отяжка). А сочиняли, когда были трезвыми.

Опыт показал, что если что-то творить под кайфом, то только кажется, что ты делаешь интересное, а на трезвую голову — оказывается, не то.

В нашей митьковской ставке на улице Правды, помимо выставочного зала, есть отдельное помещение — клуб трезвости, куда приходят желающие бросить пить. И это один из видов деятельности митьков.

— О мировоззрении митьков мы поговорили...

— Но надо добавить еще про философию. У митьков есть лозунг: митьки никого не хотят победить. В том числе в смысле охватить: всей водки не выпить и так далее.

— Что касается собственно деятельности, которая чрезвычайно разнообразна по своим видам: вы пишете и поете песни, пишете картины... Что еще?

— Кино. Я снялся уже в 20 фильмах — причем не только в российских.

Митьки себя в шутку называют художниками широкого профиля.

Недавно в издательстве «Вагриус» вышла, например, книжка — проза митьков. Когда отрезвели, то больше стали все писать. Когда были пьяными, то больше всех писал Тихомиров, поскольку он практически не пил.

Научились записывать и пластинки. Часто это происходит спонтанно. Например, у нас весной была выставка в Нью-Йорке, нас пригласили в ООН. Там был концерт. Его записали и выпустили пластинку «Митьки в Нью-Йорке».

Сейчас у Хвостенко записали пластинку «Митьки в Париже». Там, кроме меня, поет Хвост, Кирилл Тер (мой зять).

— Шагин везде в тельняшке. Тельняшка стала неотделима от образа митьков. Откуда это пошло?

— Действительно, тельняшка — это атрибут и символ митьков. Для меня это с детства был символ романтики, символ свободы. У меня предки были моряками.

Для меня тельняшка — это митьковский «инь» и «янь». Поскольку в жизни светлые и темные полосы тоже чередуются.

— По каким критериям отбираются «митьковские песни»?

— Мы «присваиваем» народные, морские, лагерные и просто советские песни, которые нам подходят. Самые любимые у митьков — «На поле танки грохотали» и «Раскинулось море широко».

— Но вы все поете на свой манер. Не как, может быть, задумывал автор, но и не издаваясь. Нельзя ли усмотреть в этом разновидность постмодернизма?

— Это постмодернизм только отчасти. Потому что, в общем-то, постмодернизм — это, как я воспринимаю, издевательство над всем, что было.

— А это не клевета на постмодернизм? Может быть, это придумали всякие Курицыны и прочие, а ты им поверил? Не проще ли считать, что постмодернизм — это то, что наступило после модернизма? Был модернизм, а стало — после.

— Может быть. Но что мы не издаваемся — это точно.

— Сейчас ты в Париже показываешь выставку «Семья Шагиных».

— Мой папа, моя мама, я и моя дочка Анечка. Митьковская выставка у нас третья в Париже. Первая была в 1989 году, вторая в 1992-м.

Попутно выяснилось, что тут можно записать и альбом. Мы решили его назвать «Котельно-прогулочные песни». В нем отражена история митьков — как жилилось, как пилилось в котельных. Плюс прогулка по Парижу. Алексей Хвостенко спел пять композиций, шесть спел я, и четыре — Кирилл Тер, свои песни. Принимал участие также Вадик Михайлюк, гитарист. Есть такой фильм «Хвост в гостях у митьков», а сейчас получился ответный визит — митек в гостях у Хвоста.

Разговаривал
АНАТОЛИЙ КОПЕЙКИН

Париж

Митьки
Дмитрий Шагин
16.11.2000.